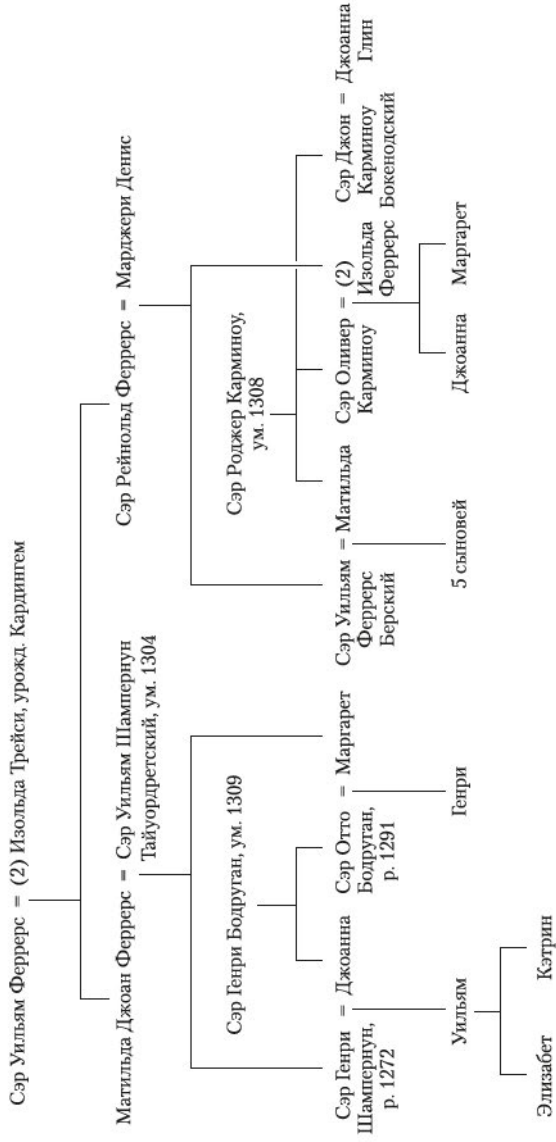

Генеалогическое древо Шампернунов, Карминоу и Бодруганов. XIV в.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое, что бросилось мне в глаза, — это прозрачность воздуха, затем — ярко-зеленый цвет лугов. Никаких полутонов. Вершины отдаленных гор не сливались с небом. Своими резкими очертаниями они напоминали скалы и, казалось, находились совсем близко, так близко, что до них можно дотронуться рукой. Это ошеломило и удивило меня — нечто подобное, должно быть, испытывает ребенок, впервые посмотревший в подзорную трубу. Рядом со мной все обладало такой же контрастностью, выделялся каждый стебель, каждая травинка, произраставшая из более молодой и грубой почвы, чем та, которую знал я.

Я ожидал (если вообще чего-то ожидал) совсем иных метаморфоз: я полагал очутиться в мире умиротворения и благоденствия, в некоей материализации мечты, где все расплывчато и не имеет четких контуров. Я не был готов к такой контрастности, к такой пронзительной реальности. Ни во сне, ни наяву мне не приходилось видеть ничего подобного. Теперь все представлялось мне ярче и рельефнее, все мои ощущения, чувства — зрение, слух, обоняние — были как бы обострены.

Все, кроме осязания: я не ощущал земли под ногами. Магнус предупредил меня об этом. Он сказал: «Ты не будешь чувствовать соприкосновений с неодушевленными предметами. Ты будешь ходить, стоять, сидеть, касаться их, но не будешь ничего осязать. Пусть это тебя не беспокоит. Разве не чудо уже то, что ты можешь двигаться, ничего при этом не ощущая?»

Конечно, я воспринял это как шутку, как обыкновенную приманку с целью соблазнить меня согласиться на эксперимент. Теперь я убедился, что Магнус был прав. Я пошел вперед, ощущая невероятную легкость: мне не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы двигаться, — казалось, я парю, не касаясь земли.

Я спускался с холма по направлению к морю, проходя через поле, покрытое серебристой осокой, которая поблескивала на солнце: небо, серое еще минуту назад, когда я видел его обычным своим зрением, теперь стало безоблачным и ослепительно-голубым. Я вспомнил, что был отлив, обнаживший ровные песчаные полосы, и на этом золотом фоне резко выделялся ряд пляжных кабинок, напоминавших оскаленные зубы. Теперь они исчезли. Исчезли и дома, стоявшие вдоль дороги, пирсы, не видно было и поселка Пар с его трубами, крышами, зданиями, и городка Сент-Остелл, который, как спрут щупальцами, охватывал всю местность по ту сторону залива. Ничего этого не было. Были только трава и кустарник и вдалеке высокие горы, казавшиеся теперь такими близкими. А прямо подо мной море катило свои волны в залив, омывая пустой песчаный берег — словно до этого там пронеслось цунами, поглотившее без следа всю окрестность. На северо-западе скалы подступали к самому морю, которое, постепенно сужаясь, образовывало широкий рукав, и волны неслись вглубь его вдоль всего изгиба суши и исчезали вдали.

Когда я подошел к краю скалы и взглянул вниз, туда, где у подножия Полмиарского холма должна была проходить дорога и стоять гостиница, кафе, богадельня, то понял, что море и здесь поглотило сушу и образовало залив, который вытянулся на восток, врезавшись в долину. Дорога и дома исчезли, а вместо них сверкала водная гладь. В этом месте залив резко сужался, зажатый тонкими песчаными берегами, и было ясно, что при сильном отливе вся вода уходит, оставляя лишь болотистое русло,

которое можно перейти вброд, если не пешему, то всаднику уж точно. Я спустился с холма и подошел к заливу, пытаясь определить, в каком точно месте проходила знакомая мне дорога, но прежние ориентиры были утрачены: не осталось ничего, кроме земли, долины и холмов, что помогло бы восстановить картину местности.

Частые мелкие волны залива набегали на песчаные берега, оставляя на них хлопья густой пены. Надувались, росли и лопались пузыри, о берег бился неподвластный времени мусор, принесенный приливом, — целая бахрома из морских водорослей, перьев, прутьев, — как после осеннего шторма. Я знал, что в моем времени сейчас самый разгар лета, хотя день был серый и хмурый, но здесь все вокруг меня говорило о приближающейся зиме. Было явно за полдень: яркое солнце уже склонялось на запад, готовилось вот-вот окрасить небо в темно-багряный цвет, как это бывает перед наступлением вечера.

В поле зрения попали первые живые существа: чайки, мечущиеся над волнами, небольшие болотные птицы, скользящие по поверхности воды, а на противоположном берегу, на горе, резко выделявшейся на фоне неба, медленно тащилась запряженная в плуг упряжка волов. Я закрыл и вновь открыл глаза. Упряжка скрылась за склоном. Но гвалт стаи потревоженных чаек убеждал меня, что все это действительность, а не сон.

Я глубоко вдохнул, и холодный воздух наполнил мои легкие. Просто дышать доставляло мне ни с чем не сравнимую радость, это было похоже на какое-то волшебство — ничего подобного я никогда ранее не испытывал. Осмыслить разумом, проанализировать то, что я видел, было невозможно: в этом новом мире чувственного восприятия я мог полагаться только на остроту собственных ощущений.

Должно быть, я простоял так очень долго, замороженный, готовый вечно парить между небом и землей, вдали от жизни, которую я знал или хотел узнать, но, повернув

голову, я увидел, что не один. Пони, по-видимому, следовал моим же путем, через поле, и потому я не слышал топота копыт, но теперь, когда он ступил на гальку, звук от соприкосновения металла с камнем достиг моего слуха, и я почувствовал запах теплого животного, потного и сильного.

Я инстинктивно подался назад, поскольку всадник ехал прямо на меня, не подозревая о моем присутствии. Он приостановил пони у кромки воды и посмотрел в сторону моря, оценивая уровень прилива. Тут я впервые испытал не только возбуждение, но и страх, поскольку передо мной был не призрак, а живой, во плоти, человек — ноги в стремях, в руках поводья — в такой невероятной близости от меня, что мне стало не по себе. Я не боялся, что меня собьют; в смятение меня ввергла сама эта встреча, это соединение веков — его и моего. Он отвел взгляд от моря и посмотрел на меня в упор. Мне казалось, он видит меня, мне казалось, я отчетливо прочитал в его глубоко посаженных глазах знак приветствия. Он улыбнулся, потрепал пони по холке и, прищипорив его, направил вброд на другой берег.

Нет, он не видел меня, не мог он меня видеть, ведь он жил в другом времени. Тогда почему же он внезапно приподнялся в седле, обернулся и посмотрел прямо на меня? Это был призыв, властный и странный: «Следуй за мной, если не трусишь!» Я прикинул на глаз глубину брода и, хотя вода доходила пони до колен, бросился за ним, не думая о том, что могу промокнуть, — и только выйдя на противоположный берег, мимоходом отметил про себя: а ботинки-то совсем сухие!

Всадник поехал в гору, и я последовал за ним. Дорога была крутая и размытая; поднимаясь вверх, она резко поворачивала влево. Я с радостью заметил, что она в точности совпадает с той, по которой я ехал на машине только сегодня утром. Но на этом сходство заканчивалось: живой изгороди из кустарника, окаймлявшей дорогу в мо-

ем времени, здесь не было. Справа и слева лежали пахотные земли, ничем не защищенные от ветров; кое-где виднелись участки, поросшие низкорослым вереском и утесником. Мы поравнялись с упряжкой волов, и я наконец смог разглядеть самого пахаря: маленького роста, в каком-то балахоне с капюшоном, он всей тяжестью своего тела навалился на деревянный плуг. Пахарь поднял руку, приветствуя моего всадника, что-то прокричал и побрел за плугом дальше. Над его головой кружили и кричали чайки.

Этот обмен приветствиями был настолько естественным, что состояние шока, в котором я находился с того момента, когда впервые увидел всадника у брода, уступило место удивлению, а затем спокойствию. Я вспомнил свое первое путешествие, еще ребенком, во Францию: я ехал ночным поездом и утром, с нетерпением открыв в купе окно, смотрел, как мимо проносятся поля, деревни и города, склоненные фигурки людей, работавших в поле подобно этому землепашцу, и по-детски удивлялся: «Интересно, они такие же живые, как я, или просто притворяются?»

Сейчас для моего удивления было куда больше оснований, чем тогда. Я смотрел на всадника, на его пони и двигался за ними на таком близком расстоянии, что мог дотронуться до них рукой, ощущал их запах. От них обоих шел такой сильный дух, как будто они вобрали в себя аромат самой жизни. Струйки пота, стекавшие по бокам животного, его косматая грива, следы пены на удилах, а еще сильное колено и обтянутая чулком нога, кожаная куртка поверх рубахи, мерное покачивание в седле, руки, держащие поводья, само лицо, обветренное, худое, обрамленное темными волосами, закрывавшими шею, — вот где была настоящая реальность, и чужеродным элементом был я сам.

Мне страстно захотелось протянуть руку и дотронуться до пони, но я вспомнил предупреждение Магну-

са: «Если встретишь существо из прошлого, то, ради бога, не притрагивайся к нему. Неодушевленные предметы — пожалуйста, но, если ты попытаешься войти в контакт с живой материей, связь прервется и твой выход оттуда будет осложнен неприятными последствиями. Я это испытал и знаю, о чем говорю».

Дорога вела сначала через пахотные земли, затем резко пошла вниз. Совсем иной ландшафт открылся моему взору. Деревня Тайуордрет, которую я видел всего несколько часов назад, изменилась до неузнаваемости. Многочисленные дома, беспорядочно расположившиеся к северу и западу от церкви, исчезли. Теперь на этом месте находилось небольшое селение, своим примитивным видом напоминавшее игрушечную ферму, которую я, помню, строил на полу своей комнаты в детстве. Маленькие приземистые дома, крытые соломой, теснились вокруг большого общинного луга, по которому разгуливали свиньи, гуси, куры, два или три стреноженных пони и сновали вездесущие собаки. Над этими убогими жилищами поднимался дым, но он выходил не из труб, а из отверстий в крыше. Сразу за селением стояла церковь, и здесь уже красота и гармония вновь вступали в свои права. Но это была не та церковь, которую я видел несколько часов назад. Она была поменьше и без башни; вплотную к ней примыкало длинное невысокое каменное строение, и все это было окружено каменной стеной. За стеной тянулись огороды, сад, служебные постройки и небольшой лесок. А далее — спуск в долину, где виднелся глубоко врезавшийся в нее залив.

Я бы так стоял и смотрел не отрываясь: открывшийся передо мной вид завораживал своей неброской красотой, но мой проводник двинулся дальше, и неведомая сила вновь потянула меня за ним. Дорога спускалась к лугу, и вскоре я оказался в гуще деревенской жизни: у колодца стояли женщины, юбки у них были подоткнуты, головы покрыты платками, повязанными так, что на лице

нельзя было разглядеть ничего, кроме глаз и носа. Появление моего всадника вызвало оживление. Залаляли собаки, из домов, при ближайшем рассмотрении оказавшихся просто лачугами, вышли еще женщины, луг заполнился голосами. Несмотря на непривычный перека́т взрывных согласных, в их речи безошибочно можно было распознать картавость корнуоллского диалекта.

Всадник свернул влево, спешил перед церковной стеной, накинуд поводья на вкопанный в землю крюк и вошел в широкие, обитые медью ворота. Над аркой ворот выделялась деревянная фигура святого, облаченного в рясу и держащего в правой руке крест святого Андрея. Мое католическое воспитание, давно забытое и не раз мной осмеянное, заставило меня невольно перекреститься перед входом, и в тот же момент во дворе зазвонил колокол, так всколыхнувший глубины моей памяти, что я даже остановился, не решаясь войти, в страхе, что та, старая, сила опять, как в детстве, обретет надо мной власть.

Но я напрасно беспокоился. Сцена, которая предстала моим глазам, не имела ничего общего с правильными дорожками и газонами в тихих монастырских обителях, ореолом святости, тишиной, порожденной молитвами. За воротами оказался грязный двор, по которому какие-то два человека гонялись за испуганным мальчишкой, хлестая его цепами по обнаженным бедрам. Оба, судя по одежде и выбритым макушкам, были монахами, а мальчишка — послушником. Полы его рясы были заткнуты за пояс, что, по-видимому, делало забаву более пикантной.

Всадник неподвижно наблюдал за этим действием, но, когда мальчик наконец упал и ряса, задравшись до самой головы, обнажила все его худое тело, голую спину, он крикнул:

— Еще не время выпускать из него кровь! Приор¹ предпочитает молочных поросят без соуса. Приправы

¹ Настоятель в католических мужских монастырях.

подают только тогда, когда поросенок становится жестким.

Тем временем колокол продолжал звонить к молитве, не оказывая никакого воздействия на шутников во дворе.

Сорвав аплодисменты за свою остроту, мой всадник пересек двор и вошел в здание напротив, очутившись в коридоре, который, судя по запаху протухшей птицы, слегка облагороженному запахом дыма из очага, отделял кухню от трапезной. Игнорируя тепло и ароматы кухни справа, а также прохладу трапезной с голыми скамьями слева, он толкнул центральную дверь и поднялся по лестнице на другой этаж, где оказался перед еще одной дверью. Он постучал в нее и, не дождавшись ответа, вошел.

В комнате с деревянным потолком и оштукатуренными стенами чувствовалось некое подобие комфорта — ничего общего с выскобленным и вылизанным аскетизмом, с которым всегда были связаны мои детские воспоминания. На устланном камышом полу валялись обглоданные собаками кости. Кровать с засаленным балдахином, стоявшая в дальнем углу, служила, по-видимому, складом всякого хлама: на ней валялись баранья шкура, пара сандалий, головка сыра на жестяной тарелке, удочка, и посреди всего этого вороха возлежала борзая, занятая поиском блох.

— Приветствую вас, святой отец, — сказал мой проводник.

Нечто приподнялось на кровати, потревожив борзую, которая прыгнула на пол. Это был престарелый, розовощекий монах, еще не пришедший в себя ото сна.

— Я распорядился меня не беспокоить, — сказал он.

Мой проводник пожал плечами.

— Даже для молитвы? — спросил он и потрепал собаку, которая жалась к нему, виляя обрубок хвоста.

Его сарказм остался без внимания. Приор, поджав под себя ноги, еще плотнее укрылся одеялом.

— Мне нужен отдых, — сказал он, — хороший отдых, чтобы быть в форме для приема епископа. Слыхал новости?

— Сплетен всегда полно, — ответил проводник.

— Это не сплетни. Сэр Джон прислал вчера письмо. Епископ уже выехал из Эксете́ра и в понедельник, после посещения Лонстона, будет здесь. Он рассчитывает найти у нас радушный прием и ночлег.

Проводник улыбнулся:

— Епископ знает, когда и к кому ехать. Мартынов день: на ужин — только что заколотый поросенок. Вам нечего волноваться — он отойдет ко сну с набитым брюхом.

— Нечего волноваться? — В раздраженном голосе приора послышались визгливые нотки. — Думаешь, легко сладить с этим неуправляемым сбродом? Хорошее впечатление они произведут на епископа! Он ведь что новая метла — намерен очистить от скверны всю епархию.

— Они будут кроткими, как ягнята, если вы пообещаете им награду за пристойное поведение. Главное — не потерять благосклонность сэра Джона Карминоу, остальное не важно.

Приор беспокойно заерзал под одеялом.

— Сэра Джона не так легко провести, он себе на уме и умеет угодить и вашим и нашим. Он, может, и наш покровитель, но только станет ли он заступаться за меня, если ему это невыгодно?

Проводник поднял с пола кость и протянул собаке.

— В нынешней ситуации сэр Генри как хозяин земель будет иметь больший вес, чем сэр Джон, — сказал он. — Этот кающийся грешник не оставит тебя. Ручаюсь, он сейчас стоит коленопреклоненный в часовне.

Приору не очень-то понравились эти слова.

— Как его управляющему, тебе не мешало бы выказывать ему больше почтения, — заметил он, а затем добавил задумчиво: — Генри де Шампернун гораздо благочестивее меня.

Мой проводник рассмеялся:

— Душа страждет, да плоть не позволяет, святой отец? — Он потрепал борзую за ухом. — Лучше не вспоминать о плоти перед приездом епископа. — Он выпрямился и подошел к постели. — Французский корабль стоит на рейде у Килмарта. Он пробудет там еще в течение двух приливов, и, если вам угодно, я могу отвезти туда письмо.

Приор сбросил одеяло и с трудом слез с кровати.

— Пресвятой Антоний, что же ты раньше не сказал?! — вскричал он и начал рыться в грудe бумаг, лежавших на скамье у кровати.

Он являл собой довольно жалкое зрелище в своей рубашке, из-под которой торчали тощие ноги с выступающими венами и огромными, невероятно грязными ступнями.

— Я ничего не могу найти в этой свалке, — пожаловался он. — Почему мои бумаги вечно в таком беспорядке? Почему, когда мне нужен брат Жан, его никогда нет на месте?

Он схватил со скамьи колокольчик и позвонил, недовольно бурча что-то в адрес моего проводника, который громко смеялся. Почти в тот же миг вошел монах: судя по всему, он подслушивал под дверь. Он был молод, темноволос, с удивительными лучистыми глазами.

— Чем могу служить, святой отец? — спросил он по-французски и, прежде чем подойти к приору, обменялся взглядом с моим проводником.

— Ну быстрее же, пошевеливайся, — раздраженно сказал приор, вновь отворачиваясь к скамье.

Проходя мимо проводника, монах шепнул ему на ухо:

— Я принесу письма сегодня вечером и преподам тебе урок того искусства, которым ты пытаешься овладеть.

Проводник насмешливо поклонился в знак признательности и направился к двери:

— До свидания, святой отец. Не стоит из-за епископа терять сон.

— До свидания, Роджер, до свидания. С Богом.

Когда мы вместе выходили из комнаты, проводник презрительно поморщил нос. К затхлому запаху душной комнаты приора теперь примешивался тонкий аромат духов, исходивший от рясы французского монаха.

Мы спустились по лестнице. Но прежде чем свернуть в коридор, проводник на минуту остановился, затем приоткрыл какую-то дверь и заглянул внутрь. Это был вход в часовню; монахи, развлекавшиеся с послушником, теперь молились, — точнее, делали вид, что молятся. Их глаза были опущены долу, губы шевелились. Там были еще четверо, которых я не видел во дворе, двое из них крепко спали на своих скамьях. Послушник же, съездившись, стоял на коленях и тихо, горько плакал. Единственный, в ком чувствовалось достоинство, был мужчина средних лет, облаченный в длинную мантию, с седыми кудрями, обрамлявшими его приятное, благородное лицо. Набожно сложив руки, он молился, устремив взор к алтарю. Это, подумал я, наверное, и есть сэр Генри де Шампернун, владелец земель и хозяин моего проводника, о благочестии которого говорил приор.

Проводник прикрыл дверь и, пройдя по коридору, вышел наружу, пересек опустевший уже к тому моменту двор и направился к воротам. На лугу тоже никого не было: женщины ушли от колодца. На небе появились тучи, день клонился к вечеру. Проводник оседлал пони и повернул к дороге, идущей через пахотные земли на холме.

Я не имел понятия о времени — ни о его, ни о моем. У меня по-прежнему отсутствовало чувство осязания, и я без всяких усилий поспевал за ним. Мы спустились по дороге к броду: был сильный отлив, и на этот раз вода не доходила даже до колен животного. Перейдя брод, мы двинулись вверх через поля.

Когда мы поднялись к вершине холма, поля приобрели знакомые мне очертания, и я, к своему восторгу и удивлению, понял, что он ведет меня домой, в Килмарт. Дом, в котором Магнус предложил мне пожить летом, находился за небольшим лесом, куда мы и направлялись. Неподалеку паслись шесть или семь пони, и при виде всадника один из них поднял морду и негромко заржал, затем они все вместе подхватились и, взбрыкнув, поскакали прочь. Он проехал через опушку, дорога пошла вниз, и тотчас в низине стал виден крытый соломой каменный дом, стоявший посередине чудовищно грязного двора. Часть дома занимали свинарник и коровник, через отверстие в крыше вился голубой дымок. Единственное, что я узнал, так это лощину, в которой стоял дом.

Мой всадник въехал во двор, спешился и что-то крикнул. Из коровника вышел мальчик и принял от него пони. Он был гораздо моложе и стройнее моего проводника, но глаза у обоих были похожи и так же глубоко посажены — я догадался, что они братья. Он увел пони, а проводник прошел через открытую дверь в дом, в котором была, как показалось на первый взгляд, всего одна комната. Я следовал за ним по пятам, но из-за дыма ничего толком не мог разглядеть, понял только, что стены дома были сложены из глины, смешанной с соломой, а полом служила голая земля, даже без камышового покрытия.

Лестница в дальнем углу вела на чердак, находившийся на высоте всего нескольких футов, и, подняв голову, я увидел соломенные тюфяки, положенные на дощатый настил. В углублении, сделанном в стене, был очаг: над огнем (топливом служили торф и утесник) на двух металлических прутьях, закрепленных в земляном полу, висел чугунок. Перед очагом на коленях стояла девочка с длинными, ниже плеч, распущенными волосами. В ответ на приветствие она подняла голову и улыбнулась.

Я стоял совсем рядом, за его спиной. Внезапно он обернулся и посмотрел прямо на меня. Он был так близ-

ко, что я чувствовал на лице его дыхание. Я инстинктивно вытянул руку, чтобы он не наткнулся на меня. Внезапно я почувствовал резкую боль в руке и увидел, что костяшки пальцев все в крови. В тот же момент я услышал звон разбитого стекла. И тут же все исчезло — и он, и девочка, и чадающий очаг, а я, въехав правой рукой в низкое окно старой кухни в полуподвале моего килмартского дома, стоял в знакомом дворе.

Шатаясь, я вошел в открытую дверь котельной. Мне было очень плохо, но не от вида крови, а потому, что меня страшно рвало, просто выворачивало наизнанку. Сотрясаясь всем телом, я оперся рукой о каменную стену котельной. Из пораненных пальцев к запястью стекала струйка крови.

Наверху, в библиотеке, зазвонил телефон — громко, настойчиво, словно призыв из забытого, ненужного мира. Я к нему не пошел.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошло, наверное, минут десять, не меньше, прежде чем рвота прекратилась. Я присел на груды дров в котельной и стал ждать, когда мне будет лучше. Самым неприятным было головокружение — я не решался встать. Порез на руке был небольшой, и вскоре с помощью носового платка мне удалось остановить кровь. С того места, где я сидел, мне были видны разбитое окно и осколки стекла на земле. Возможно, позже удастся восстановить всю картину, определить, где именно стоял мой проводник, вычислить, какую площадь занимал исчезнувший дом, он ведь располагался на месте нынешнего внутреннего дворика и части дома. Но это потом. Сейчас у меня не было на это никаких сил.

Интересно, видел ли меня кто-нибудь, когда я брел через поля, пересекал дорогу у подножия горы, взбирался

по тропе к Тайуордрету. Хорошенькое зрелище, наверное! В том, что я там был, — никаких сомнений. Грязные ботинки, разодранная штанина, влажная от пота рубашка — все это говорило не о развлекательной прогулке к скалам.

Наконец, когда тошнота и головокружение прошли, я осторожно поднялся по черной лестнице в холл, прошел в закуток, где Магнус держал всякий хлам — дождевик, сапоги и прочее, — и взглянул на себя в зеркало, висевшее над раковиной. Вид у меня был более или менее нормальный — слегка побледнел, и только. Срочно нужно было чего-нибудь выпить, и покрепче. Но тут я вспомнил, как Магнус говорил: «Никакого спиртного как минимум в течение трех часов после принятия препарата. Потом немножко можно». Чай, конечно, не то, но вдруг все-таки поможет, и я прошел на кухню — поставить чайник.

Когда Магнус был ребенком, здесь находилась столовая — он переделал ее совсем недавно. Ожидая, пока закипит чайник, я выглянул в окно и посмотрел вниз, во двор. Он был вымощен камнем и со всех сторон окружен старой замшелой стеной. Как-то в порыве энтузиазма Магнус попытался переделать его в уютный патио (так он его называл), где, если вдруг случится невыносимая жара, он мог бы разгуливать нагишом. Его мать, как он мне объяснял, никогда не занималась благоустройством этого дворика, потому что в него выходили только окна бывшей кухни.

Теперь я смотрел на этот двор совсем другими глазами. Невозможно представить все то, что я только что здесь видел: грязный двор с коровником, дорога, ведущая к лесу на склоне холма. И я сам, бредущий вслед за всадником через лес. Может, это все были лишь галлюцинации, вызванные чертовым препаратом? Когда я с чашкой чая в руке проходил через библиотеку, снова зазвонил телефон. Я подумал, что это, скорее всего, Магнус, и не ошибся. Его голос, как всегда четкий и уверенный,